

М. В. СЛАУТИНА, Е. А. ПИРОЖОК
(Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия)

УДК 81'38:81'23
ББК Ш100.6+Ш105.551.12

ОСОБЕННОСТИ ОТВЕТНЫХ РЕПЛИК ДЕТЕЙ В ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ДИАЛОГАХ

Аннотация: В статье рассматриваются диалоги телеведущего Ивана Урганта с детьми, проходившими конкурс для участия в рубрике «Взгляд снизу» программы «Вечерний Ургант». Выявлено, что особенности этих диалогов определяются конкурентной коммуникативной ситуацией, в которой значительное место занимает элемент соревнования и которая может быть охарактеризована как стрессовая для ребенка. Телеведущий выступает инициатором общения, ребенку отводится роль отвечающего на вопросы. Ответная реплика зависит от типа вопроса. Наименьшую трудность вызывают вопросы общего типа, требующие однозначного ответа *да / нет*. Некоторые дети демонстрируют стремление к развертыванию ответной реплики, включению в нее «лишней» информации и элементов самопрезентации. Адекватность ответа на специальный вопрос зависит от степени понимания его содержания. Как правило, ребенок лишь частично понимает смысл вопроса, не воспринимая заключенную в нем иронию. В результате серьезная информация предстает в своеобразной «детской» интерпретации. На этом основывается комический эффект данных диалогов. Альтернативные вопросы, предполагающие выбор из двух возможностей, вызывают у детей трудности, поэтому, отвечая на такой вопрос, ребенок его упрощает, превращает в общий и в ответной реплике кратко выражает согласие или несогласие. Анализ материала показал, что дети – участники кастинга обнаруживают хорошие коммуникативные навыки и владеют основными приемами ведения диалога.

Ключевые слова: детская речь, диалог, ответная реплика, коммуникативная ситуация.

Диалоговые формы общения осваиваются ребенком рано и в целом соответствуют логике его речевого развития. Ранний период формирования коммуникативных навыков представлен невербальным диалогом с элементами вокализации, затем наступает период голофраз – однословных высказываний, в котором также важную роль играют несловесные элементы общения. «Системно-языковой компонент коммуникативной компетенции

ребенка раннего возраста развит недостаточно, что, однако, не означает полного отсутствия у него диалогических умений. Не совершенные артикуляторные навыки, лексический дефицит, лишь начальное освоение «ранних» грамматических категорий, парадигматики основных частей речи и первых правил синтагматики не препятствуют осознанию ребенком себя / другого как субъектов диалогического взаимодействия» [Казаковская 2006: 20]. По мере освоения грамматической системы языка происходит и усложнение структуры диалога: ребенок осваивает вопросительные конструкции разных типов, продуцирует развернутые ответные реплики, и сам диалог становится менее ситуативным, более контекстуальным. Как отмечает С. Н. Цейтлин, «в период освоения многословных предложений происходит бурное развитие морфологической системы — ребенок усваивает категорию падежа (число усвоено еще в двусловном периоде), овладевает склонением существительных (без учета вариаций по типам), категориями вида, наклонения и времени глагола, а также способами глагольного словоизменения. Оба процесса теснейшим образом взаимосвязаны: морфологическая маркировка позволяет оформить синтаксические функции компонентов высказывания, избежать двусмысленности» [Цейтлин 2000: 217-218]. Таким образом, именно в диалоге ребенок усваивает систему родного языка.

По данным исследований А. В. Чулковой, вне обучения диалогические навыки развиваются неравномерно. В младшем и среднем возрасте происходит формирование отдельных диалогических навыков, которые затем определяют уровень развития диалогической речи ребенка в старшем дошкольном возрасте. Дети в возрасте трех – четырех лет не владеют распространенными речевыми клише, но способны вычленять из речи взрослых необходимые речевые штампы и поддерживать беседу в пределах одного микродиалога, затем переключаясь на другую тему. К четырем – пяти годам дети также испытывают трудности в поддержании беседы. В этом возрасте дети способны переносить речевые штампы в типичные ситуации, задавать серию вопросов, не соблюдая логической последовательности в построении предложений. Реплики – реакции становятся расши-

ренными, побуждающими к продолжению беседы. Микродиалоги состоят из нескольких диалогических единств, объединенных одной темой [см.: Чулкова 2008].

Устный диалог связан с такими видами речевой деятельности, как говорение и слушание. При этом важна согласованность партнеров по коммуникации, которая достигается адекватным кодированием и декодированием информации. В этом отношении диалог взрослого и ребенка отличается ориентацией первого на интеллектуальные и речевые возможности второго.

В качестве материала исследования мы использовали диалоги с детьми, участвовавшими в кастинге для участия в рубрике «Взгляд снизу» программы «Вечерний Ургант» (осень 2015 г.). Особенности данных диалогов определяются коммуникативной ситуацией, которая может быть охарактеризована как стрессовая для ребенка: он должен ответить на вопрос, даже если не понимает его содержания. На этом и основывается комический эффект подобных диалогов: ведущий – Иван Ургант – так формулирует вопрос, чтобы ответ на него был заведомо смешным. Таким образом происходит пародийное обыгрывание серьезной (например, политической) информации.

Ургант: Расскажи мне, что ты знаешь про политическую ситуацию в нашей стране.

Василиса (4 года): Я знаю, что человек может попасть под машину. Еще может под поезд.

Ургант: Как ты думаешь, можно ли из этого твоего замечания делать вывод, что человек может все?

Василиса: Да.

В приведенном диалоге использован прием неснятой полисемии. В контексте актуализируются два оттенка значения глагола *мочь* – ‘иметь возможность’ и ‘быть в состоянии’ [Ожегов 1992]. В результате выстраивается паралогическая цепочка утверждений (*человек может попасть под машину, человек может попасть под поезд* → *человек может все*), и исходный вопрос о политической ситуации оказывается включенным в намеренно сниженный, даже абсурдный контекст.

Непонимание содержания вопроса обусловлено возрастными особенностями и недостаточно развитыми интеллектуальными и

речевыми навыками детей дошкольного возраста. Так, в диалоге с девочкой, которая недовольна тем, что родители привели ее на передачу, хотя она этого не хотела, Ургант использует глагол *очернить* в переносном значении (Ср. СОШ [Ожегов 1992]: *Очернить*. см. чернить. *Чернить*. То же, что порочить), которое явно неизвестно ребенку:

Ургант: Ты понимаешь, что ты используешь Первый канал сейчас, чтобы очернить свою мать?

София (6 лет): Ну... Да.

Коммуникативная ситуация кастинга, в котором участвуют дети, предполагает четкое распределение ролей: инициатором общения всегда выступает взрослый, ребенку отводится роль отвечающего на вопросы. Попытки «перехватить инициативу» встречаются крайне редко и осуществляются в виде ответного уточняющего вопроса, адресованного взрослому. Такой вопрос, однако, не направлен на уточнение информации, поэтому можно говорить лишь об имитации мены ролей *спрашивающий – отвечающий*.

Ургант: Ну, расскажи мне, Федя, про себя. Ты вообще откуда такой?

Федя (4 года): Я?

Ургант: Да.

Федя: Я из города Петербурга.

Ургант: Я так и понял, Федя.

И. Ургант, напротив, активно использует уточняющие вопросы, особенно в тех случаях, когда от ответной реплики ожидается явный комический эффект.

Ургант: Сколько лет ты уже живешь в городе Петербурге?

Федя: Ой, я уже давно... Лет двадцать уже там живу.

Ургант: То есть тебе четыре, а ты живешь в Петербурге уже двадцать?

Федя: Да.

Ведущий, интерпретируя противоречивую информацию, содержащуюся в ответной реплике, формулирует уточняющий вопрос в виде уловки, которая остается незамеченной ребенком – происходит «удвоение» комического эффекта.

По Е. Н. Падучевой, ответная реплика диалога строится в зависимости от типа и содержания вопросительного предложения. «Ответом на общий вопрос является утвердительное предложение, которое совпадает либо с вопросительным <...>, либо с его отрицанием. Ответом на альтернативный вопрос – одна из его альтернатив. Ответом на специальный вопрос является предложение, которое совпадает по структуре с вопросом, с тем отличием, что на месте <...> вопросительного местоимения или именной группы, включающей вопросительное местоимение (например, *кто, где, в каком городе, кто из вас*), стоит невопросительная именная группа» [Падучева 1985: 236-237].

Диалоги взрослого и ребенка в программе «Вечерний Ургант» и кастингах включают все виды вопросов, однако ответные реплики детей зачастую строятся без учета типа вопроса. Вопросы общего типа предполагают однословный ответ *да / нет* и в передаче выполняют, скорее, фатическую функцию. Обычно такие вопросы не вызывают затруднений у ребенка:

Ургант: Ты хочешь быть телеведущим на Первом канале?

Саша (2 года): Да!

Общий вопрос может быть провокационным, вынуждающим собеседника дать определенный ответ, в этом случае он строится по модели «*Ты понимаешь / можешь / умеешь / думаешь + придаточная часть, содержащая собственно вопрос*». Таким образом ведущий подталкивает ребенка к правильному ответу, предлагает направление пародийной интерпретации информации, т.е. задает вопрос не для получения ответа, а ради самого вопроса:

Ургант: Скажи мне, ну что с рукой?

Василиса (4 года): Я упала. С площадки. В Болгарии.

Ургант: Как ты думаешь, виноваты ли хотя бы немножко болгарские строители, которые строят такие площадки?

Василиса: Да.

Содержание второго вопроса данного диалога воспринимается ребенком лишь частично, к тому же в нем не прочитывается иронический подтекст, поэтому ответная реплика не содержит комментария и заключает в себе лишь согласие с ведущим.

Как было сказано выше, общий вопрос не предполагает развернутого комментария, однако в речи некоторых детей прослеживается явная тенденция к развертыванию ответной реплики, даже тогда, когда это не является необходимым.

Ургант: Расскажи мне, музыку любишь?

Петя (5 лет): Ну да, я обычно даже танцую. Когда я поучился, я умею танцевать.

Можно предположить, что стремление к развертыванию ответной реплики обусловлено коммуникативными условиями кастинга, в котором присутствует очевидный соревновательный момент. В ситуации коммуникативной конкуренции речевая активность высоко оценивается и поощряется, поэтому речевая реакция на реплику взрослого представляет собой, по существу, самопрезентацию ребенка, которая может включать также «домашнюю заготовку» – реплику, не связанную с актуальной ситуацией, но содержащую дополнительную информацию об участнике диалога.

Ургант: Привет, как тебя зовут?

Изяслав (6 лет): Изя. Я хочу вам рассказать стишок.

Развернутая ответная реплика может включать «лишнюю» информацию, которая не предполагается вопросом.

Ургант: Где живешь в Питере?

Федя (4 года): На улице Верейской. Ну, дотуда иди... ну... я думаю, да я знаю, но там далеко вато капельку, ну... далеко чуть-чуть.

Альтернативные вопросы вызывают у детей трудности, в силу того что предполагают ситуацию выбора: нужно сначала воспринять и понять два блока информации, оценить каждый из них и сделать выбор в пользу одного. Отвечая на такой вопрос, ребенок его «упрощает», редуцирует содержание, превращает альтернативный вопрос в общий и в ответной реплике кратко выражает согласие или несогласие. Например:

Ургант: А ты умеешь петь или стишок какой-нибудь можешь рассказать нам?

Рома (5 лет): Ну... да.

Как видно из приведенного примера, ответная реплика не дает возможности понять, принимает ли ребенок обе альтернативы или соглашается только с одной из них.

Адекватность ответа на специальные вопросы напрямую зависит от способности ребенка понять их содержание. Как отмечают исследователи, ребенку младшего и среднего дошкольного возраста свойствен эгоцентризм в восприятии фактов действительности, сопоставление любого явления с собственным жизненным (в том числе читательским, зрительским) и коммуникативным опытом. Это находит отражение и в исследуемых диалогах, которые включают не только объективную информацию о действительности, но и субъективную реакцию на нее.

Ургант: Расскажи, что нужно посмотреть в городе Петербурге, зачем нужно приехать в город Петербург?

Федя (4 года): Моя мама сфотографировала то, что бензовоз упал в Обводный канал. Вообще. Обалдеть.

Детям младшего школьного возраста в меньшей степени свойствен подобный эгоцентризм. Они зачастую демонстрируют вполне «взрослое» понимание вопроса, их ответы менее субъективны и оценочны.

Ургант: Что с курсом доллара происходит сейчас?

Алеша (7 лет): Повышается.

Ургант: Как ты думаешь, насколько долго продлится эта тенденция?

Алеша: Думаю, рубль будет повышаться потом.

На первый взгляд, подобный диалог не дает возможности взрослому для пародийного обыгрывания ситуации, однако комический эффект все же достигается. Он создается на основе контраста серьезного содержания разговора и возраста одного из участников.

Дети – участники кастинга демонстрируют достаточно высокую коммуникативную компетенцию. Выступая инициатором диалога, ведущий организует диалогическое взаимодействие по принципу пародийного обыгрывания ситуации, использует прием контраста, предлагая для обсуждения серьезные темы, недоступные адекватному пониманию ребенка. Находясь фактически в стрессовой ситуации, дети, тем не менее, обнаруживают хорошую реактивность и владение основными навыками ведения диалога.

ЛИТЕРАТУРА

Казаковская В.В. Вопросно-ответные единства в диалоге «взрослый – ребенок» (на материале русского языка). Автореф. На соискание уч.ст. доктора филол. наук. – СПб, 2006.

Канал программы «Вечерний Ургант» на сайте Youtube.com. URL: <http://www.youtube.com/user/Urgantshow> (дата обращения: 03.12.2015, 16.03.2016)

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М.: Наука, 1985.

Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000.

Чулкова А.В. Формирование диалога у дошкольников: учеб. пособие / А.В. Чулкова. – Ростов н/Д: Феникс, 2008.

©Слаутина М. В., 2016

©Пирожок Е. А., 2016